

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Л.П. КАРСАВИНА¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь
Международный центр изучения русской философии (МЦИРФ), г. Санкт-Петербург

© Михайлова Е.Е., 2020

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-4-5-12

Рассматривается вопрос взаимосвязи культуры и истории в философском наследии русского религиозного мыслителя рубежа XIX–XX вв. Л.П. Карсавина. Показано, что культура и история, в интенции Л.П. Карсавина, представляют собой результат как высшей актуализации Абсолюта, так и деятельности эмпирического субъекта. Во всякой культуре есть свое личное начало. Именно личность является тем «мостиком», который связывает культуру и историю. Выявлена модель взаимосвязи культуры и истории, в воззрениях Л.П. Карсавина: тезис (культурная традиция) – антитезис (разрушение традиции) – снятие антитезиса (новое как результат творческой переработки традиции). Сделан вывод, что взаимосвязь культуры и истории носит иррациональный характер, поскольку последовательность и сила изменений культурных форм во многом зависят от личности.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин, культура, история, диалог культур, традиция, личность.

В институте философии Санкт-Петербургского государственного университета на базе кафедры русской философии и культуры вот уже десять лет действует Международный центр изучения русской философии (МЦИРФ), интегрирующий теоретические разработки ведущих исследователей русской философии со всего мира. С этой целью в институте и на философском факультете Папского университета Иоанна Павла II в Кракове (Польша) [6] ежегодно проводятся тематические международные чтения. Эти встречи позволяют поднимать актуальные вопросы, связанные с историей и проблематикой русской философии, инициируют научные дискуссии и международное издательское сотрудничество. Так, в 2018 г. прошли Шестые Международные чтения по истории русской философии «Наследие Льва Платоновича Карсавина в отечественной и зарубежной науке и философии».

В качестве сотрудника МЦИРФ я приняла участие в карсавинских чтениях, выступив с докладом «Субъект познания в философии истории Л.П. Карсавина: мышление – “бодрствование” – оценивание» [7]. О философском наследии Л.П. Карсавина я имела представление благодаря знаниям, полученным в ходе изучения учебной программы. Однако оно поразило меня на этих чтениях подачей материала: метафизическая историософия оказалась приближенной к практике исторической науки, а воззрения русского философа и богослова на человека, его культуру, историю и общество показали гармоничными и востребованными сегодня, причем

---

¹Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

не только думающими людьми, но и теми, кто живет в пространстве религиозной веры.

Размышления над проблематикой взаимосвязи культуры и истории в философии Л.П. Карсавина следует начать с фиксации нескольких важных тезисов: время его жизни – это, как замечает С.С. Хоружий, «эпоха тектонических культурных и социальных перемен» [9]; плодотворным походом к изучению прошлого, по мнению А.Е. Рыбаса, является культурно-исторический подход [8]; спекулятивная философия истории, как пишет А.В. Малинов, может иметь практический смысл [5]; отечественным мыслителям, как указывает М.М. Шибалева, свойственен поиск идеала как меры художественного творчества и ценности методологических исканий [10]. Эти тезисы, сведенные вместе, позволяют содержательно тематизировать вопрос о специфике взаимосвязи культуры и истории в философском наследии Л.П. Карсавина.

Л.П. Карсавин (1882–1952) жил во время сильных потрясений и перемен рубежа XIX–XX столетий. Привычные нарративы культуры и истории буквально «взрывались» на глазах университетской интеллигенции. Прежние традиции и ценности «поглощались» и «размывались» под воздействием небывалых по своей разрушительной силе событий – Первой Мировой войны, трех русских революций и последовавшей за ними череды политических репрессий, растянувшихся на полстолетия. В сложных и противоречивых условиях революционной жизни Петрограда Л.П. Карсавин пишет книгу «Философия истории» (издана в эмиграции, в 1923 г.). В этой книге он излагает свои взгляды на познание прошлого и на фигуру историка как субъекта исторического познания. А.В. Малинов оценивает эту книгу так: «Карсавин ... постарался максимально приблизить историософию всеединства к нуждам и практике самой исторической науки. В этом ценность его подхода» [5, с. 195].

Два обстоятельства во многом определили замысел еще одной книги философа, получившей название «Культура Средних веков» (1918), – пребывание Л.П. Карсавина в пространстве религиозной веры и случившийся на его глазах в Российской империи революционный переворот. Указанное сочинение, небольшое по объему, – своего рода ответ мыслителя на больше-вистский переворот в России, ответ отрицательный и предельно публичный. Л.П. Карсавин был экстраординарным профессором Петроградского университета, но имел довольно неустойчивое служебное положение, так как не числился в штате и, следовательно, не получал жалованья, довольствуясь лишь гонораром от платных лекций для студентов. Однако он, несмотря на такую личную финансовую ситуацию и атеистическую политику новой власти, проявляет весьма серьезную религиозную активность, в частности выступает организатором «Всероссийского братства мирян в защиту церкви», берется за чтение курса лекций «История религии», организывает семинары по темам «История христианской догмы и философии», «Средневековые ереси», «Средневековая мистика».

В книге «Культура Средних веков» Л.П. Карсавин отказывается от методологического принципа и предпринимает попытки синтетического изложения материала. Правда, он признавал тот факт, что эти попытки весьма «рискованные» [2, с. 6]. Ко времени преподавания Л.П. Карсавина сложились четыре основных подхода к изучению истории русской философии – религиозный, сциентистский, идеологический и культурно-исторический (последний был новым и перспективным). «Культурно-исторический подход кардинально отличается от первых трех и стоит как бы особняком от сложившейся традиции, однако именно он

становится все более востребованным в настоящее время», – отмечает А.Е. Рыбас [8, с. 43].

Трудно точно сказать, какой подход лежит в основе изложения материала в сочинении «Культура Средних веков». Скорее всего, перед нами синтез религиозного (концепция всеединства), сциентистского (многофакторность), идеологического (идеи и идеалы как «качествования» эмпирического мира) и культурно-исторического (история как круговорот культурных форм) подходов. Уверенно можно сказать только то, что подобным способом в России еще никто не писал. Возможны лишь ассоциации с сочинением Й. Хейзинги «Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции», однако эта работа была издана в 1919 г., т. е. спустя год после выхода книги Л.П. Карсавина.

В качестве историка-медиевиста Л.П. Карсавин мог бы изложить материал в координатах исследовательской науки. Однако медиевистика сама по себе не была для него конечной целью: она обеспечивала его материалом для философской рефлексии [9, с. 42]. Поэтому текст Л.П. Карсавина – это, скорее, попытка интерпретации и постижения прошлого. Воплощая идею неокантианцев о ценностях культуры, русский философ берет за основу ключевые, на его взгляд, формы культуры и осуществляет их перекрестную референцию во времени и пространстве. Такой дискурсивный прием вызывает удивительный эффект: перед глазами читателя предстает динамичная картина смысловых структур и образов Средневековья.

Культура, по Л.П. Карсавину, есть система «качествования» индивидуальностей [4, с. 267]. «Качествование» – это его специфический термин, означающий особый момент самосознания индивидуального или коллективного субъекта познания. В какой-то мере он перекликается с термином французского теоретика И. Тэна «главенствующая способность» культуры. Вскрывая основы взаимосвязи культуры и истории, Л.П. Карсавин признает, что состояние культуры отражает состояние исторической науки, равно как и наоборот – историческая наука явственно олицетворяет культуру эпохи [3, с. 219].

Л.П. Карсавин видит, что в среде современных ему исследователей нет единого определения понятия «культура». С одной стороны, культура трактуется как та или иная индивидуальность (культура народа, культура сословия и т. д.), с другой – культура означает культуру эпохи, свойственную конкретной совокупности народов (европейская культура, русская культура и т. д.). Однако эти неясность и двусмысленность не смущают Л.П. Карсавина, так как он придерживается особой позиции: культура как целое есть природа высшей личности, а как частное – индивидуализация человечества, всеединого во всех народах. Во всякой культуре есть свое личное начало. На этом и выстраивает Л.П. Карсавин взаимосвязь культуры и истории. Прочитав в качестве иллюстрации этого положения философа слова из его работы: «Это “личное” – его можно назвать идеей культуры – не определимо абстрактно: оно раскрывается в конкретном всеединстве индивидуализаций – качествований и индивидуальностей – данной культуры и только через них символически познается» [3, с. 161].

Культурная динамика в воззрениях Л.П. Карсавина выглядит как круговорот форм. Традиции прошлого разрушаются, через разрушение они усваиваются новыми субъектами и творчески перерабатываются ими, новое тотчас же коснеет и становится традицией [2, с. 172]. Л.П. Карсавин создал эту модель иррациональной диалектики жизни явно под влиянием трехчастной модели Г.В.Ф. Гегеля: тезис

(традиция) – антитезис (разрушение традиции) – снятие антитезиса (появление нового в результате творческой переработки традиции). Иррациональное здесь проявляется в том, что последовательность изменений и их сила во многом зависят от личности, представляющей собой как высший момент всеединства, так и эмпирический субъект бытия.

Любая культура, в интенции Л.П. Карсавина, вызревает из своего потенциального единства. Соответственно, культура Средневековья зарождается в лоне Античности и постепенно становится всевременным единством, не ограниченным временем и пространством своего расцвета. Вместо того, чтобы в хронологическом порядке излагать события Средних веков, Л.П. Карсавин берет две большие категории – власть и религия – и следит за их диалогом, длящемся на протяжении нескольких веков. Отметим, что хронологическая последовательность при описании средневековых событий у философа присутствует, но лишь в качестве второстепенного элемента написания книги. Диалог для него – это смена культурных традиций, которая осуществляется постепенно через общение. Усвоение новых элементов, по наблюдениям Л.П. Карсавина, сначала понижает общий уровень культуры, вызывает оскудение ее смыслообразующего центра, поскольку собственные живые силы вынуждены растрачиваться на новую цивилизаторскую работу. Слабея, культурные силы перестают быть творческими, сужают круг своего действия, начинают ориентироваться на «бережение старого», следовательно, становятся «недейственной традицией» [2, с. 14]. «Бережно хранить» – это недействи-тельная традиция, «творчески хранить» – вот она, по Л.П. Карсавину, настоящая традиция [2, с. 14, 24].

Первым центром культурной жизни, согласно карсавинской картине Средневековья, является Римская империя. Затем центр смещается: церковь становится преемницей накопленных традиций. Тот факт, что процесс разложения и утраты политического единства порождает «тягу к единству религиозному», Л.П. Карсавин объясняет открытостью христианского учения [2, с. 25]. Для него культура Средневековья – это синтез поздней Античности и варварства; в результате этого синтеза римская культурная традиция и римская государственность переплетаются с германским началом. Такой исторический синтез порождает новую культурную энергию: инстинкт государственности и дух религиозности ведут к слиянию разных культурных начал [2, с. 44, 48]. Так и случилось с германскими племенами: «Освобожденный от власти своей традиции, сменивший религию отцов, германец обнаружил бессознательную и необы-чайную восприимчивость к влиянию чужого быта. Не сдерживаемая ничем личность бурно проявляла во вне накопленную в ней родом энергию» [2, с. 51].

По наблюдениям Л.П. Карсавина, процесс перемещения центра культуры не застывает, а постоянно дрейфует и разворачивается по-новому под воздействием накопившихся факторов. Так, например, при Карле Великом ослабевают старые культурные центры – власть и религия; новым духовным центром вместо предыдущих центр становятся школы, ставшие впоследствии университетами [2, с. 166].

Современно звучат рассуждения Л.П. Карсавина относительно того, что культурная традиция может быть одновременно и реальной, и символической. Так, например, у германцев реальным фактором преемственности традиций выступала государственно-военная организация, заимствованная у Римской империи, а представления германцев о государственности, верности и личной связи можно

отнести уже к разряду символических форм восприятия традиций римских императоров [2, с. 53].

Динамика традиций Средневековья, показанная Л.П. Карсавиным в виде культурных кругов, базируется также на принципе противопоставления. История, по его мнению, достигает своей полноты только в христианской культуре, становление которой осуществляется через противопоставление пантеизму и теизму. Начальная стадия любой религиозной культуры, будучи потенциально христианской, содержит в себе и пантеизм, и деизм. Историческое христианство индивидуализирует свои истоки, противопоставляет им себя и осознает себя только в такой противопоставленности. Примечательно, что Л.П. Карсавин не просто допускает, что историческое бытие и историческое знание свойственны не только христианской культуре, но и ратует за взаимное изучение различных культур в их стремлении к возможной полноте своего выражения [3, с. 215].

Проблема взаимосвязи культуры и истории всегда находится в центре внимания исследователей [1]. В философском наследии Л.П. Карсавина она приобретает новый ракурс, обозначить который можно следующим образом: «историческое знание направлено к идеалу». Историческая наука, по Л.П. Карсавину, для достижения своих целей сочетает два посыла – генерализирующий и индивидуализирующий моменты познания эмпирического субъекта, т. е. эмпирического развития человека. Каждый момент бытия именуется им как «качествование» развивающегося субъекта. Соответственно, история есть «качествование», означающее, что без истории как «науки» нет истории как «действительности».

В свою теорию всеединства Л.П. Карсавин вставил мысль о том, что развивающееся человечество должно актуализироваться в самопознании каждой индивидуальности. Субъект, представляющий собой всеединство моментов, сам оказывается лишь моментом высшего субъекта, другими моментами которого являются иные субъекты (и «объекты») [3, с. 43]. Получается, что историк как момент высшего субъекта способен актуализироваться в процессе самопознания. События прошлого («иногo-трансубъективного») конструируются им двумя способами – историк вспоминает (работает с фактами) и историк переживает (оценивает факты). Л.П. Карсавин воспринимает прошлое как особое «качествование», отличное от настоящего, и оно, прошлое, всякий раз перестает быть живым. «Оно “омертвело”, сделалось чем-то неживым, приобрело какую-то непреодолимую “определенность”», – пишет историк-медиевист [3, с. 46]. Поэтому именно субъект познания как актуализированный и эмпирический момент высшего субъекта способен интерпретировать прошлое и заставить его вновь «зазвучать», т. е. стать актуальным. Если говорить о субъекте познания, то, вживаясь в прошлое и ориентируясь на будущее, историк всегда находится в настоящем [7].

Историческое знание, как и любое знание, согласно Л.П. Карсавину, направлено к идеалу. Сочетая логику и идею всеединства, он говорит о разнице понятий «завершенность» и «ограниченность». Завершенность, по Л.П. Карсавину, несет двойную нагрузку: она полнота эмпирического бытия (завершенность в буквальном смысле) и острота осознания не до конца реализованной возможности (завершенность как совершенство, идеал). Именно в силу ощущения остроты не до конца реализованной возможности осознания совершенство не может быть достигнуто только эмпирически. Такое совершенство (т. е. базирующееся на описанном выше ощущении), по Л.П. Карсавину, и есть идеал,

Эмпирическая история не существует без целеполагания и стремления к идеалу. Познать историческую действительность и ее развитие можно только через признание направленности истории к идеалу, заключающему в себе возможность оценки всех моментов развития. Таким образом, идеал истории, в интенции Л.П. Карсавина, – это «усовершенная историческая действительность» [3, с. 247]. Как высшая реальность идеал есть «бытие истории в Абсолютном и в качестве Абсолютного» [3, с. 220]; как эмпирическая реальность идеал есть направленность субъекта познания, острота осознания им не до конца реализованной возможности. Историк должен проделать «черную работу» над источниками, но не для того, чтобы в процессе ее уловить саму сущность исторического. Она лучше и легче всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазнов отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем. Поняв сущность исторического познания, историк должен в себе актуализировать, т. е. понять, изучаемую им эпоху как момент общечеловеческого развития и таким образом осмыслить само это развитие. История направлена к идеалу, однако Л.П. Карсавин не признает теорию прогресса, где идеал – это всегда некое будущее, которое еще не наступило. В карсавинской философии всеединства идеал объемлет собой всю историю и «всякий ее момент направлен к своей усовершенности в идеале» [3, с. 247]. Такова картина идеала, нарисованная мыслителем: идеал расположен не в начале, не в середине и не в конце; он представлен каждым моментом развития культуры и истории.

В качестве обобщения высказанных суждений отметим следующее:

культура и история, по Л.П. Карсавину, представляют собой «качествование» человеческого бытия, моменты высшей актуализации Абсолюта и одновременно результаты деятельности эмпирического субъекта.

во всякой культуре присутствует свое личное начало. Именно оно является тем «мостиком», который соединяет культуру и историю;

под влиянием Г.В.Ф. Гегеля Л.П. Карсавин создает модель взаимосвязи культуры и истории: тезис (культурная традиция) – антитезис (разрушение традиции) – снятие антитезиса (новое как результат творческой переработки традиции). В основе этой модели лежит диалог традиций. Однако она имеет иррациональный характер. Иррациональное проявляется в том, что последовательность и сила культурных изменений во многом обусловлены личностью;

по Л.П. Карсавину, диалог культур способствует смене отживших традиций, появлению новых и актуальных.

В свете традиции и современности работа Л.П. Карсавина «Культура Средних веков» остается интересной не только как книга, отражающая «дух эпохи». Актуальным видится дискурсивный прием философа, позволяющий конструировать смысловые структуры ушедшей культуры таким образом, что для читателя они становятся собственным ценностно-эстетическим отношением к прошлому. Л.П. Карсавин говорит нам, как сложно сохранить баланс закрытости культуры (традиции, авторитеты) и ее открытости (торговля, войны, соседское заимствование). Смещающийся центр культуры, преемственность как творчество, символические и реальные силы культуры – над этими и другими категориями Л.П. Карсавина можно размышлять и сегодня, рассматривать их как приемлемые для современности ориентиры.

Библиографический список

1. Губман Б.Л. Культура и история // Культура и история: сборник научных статей / отв. ред. Б.Л. Губман. Тверь: ТГУ, 2000. С. 3–13.
2. Карсавин Л.П. Культура Средних веков. Киев: Символ; AirLand, 1995. 208 с.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 352 с.
4. Ковалева Е.О. Преемственность культурных традиций в воззрениях Л.П. Карсавина // Вече. 2018. № 30. С. 267–272.
5. Малинов А.В. «Философия истории» Л.П. Карсавина в традиции преподавания философии истории в Петербургском университете // Соловьевские исследования. 2019. № 2. С. 193–206.
6. Международный центр изучения русской философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/rusphil/1558> (дата обращения: 16.05.2020).
7. Михайлова Е.Е. Субъект познания в философии истории Л.П. Карсавина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 141–144.
8. Рыбас А.Е. Основные подходы к изучению истории русской философии // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2014. № 1. С. 42–63
9. Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Лев Платонович Карсавин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 30–96.
10. Шibaева М.М. Отечественные мыслители об идеале // Обсерватория культуры. № 3. 2008. С. 4–9.

INTERCONNECTION OF CULTURE AND HISTORY IN THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF L.P. KARSAVIN

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

We consider the relation between culture and history in the philosophical heritage of the Russian religious thinker at the turn of the XIX–XX centuries L.P. Karsavin. It is shown that culture and history, in Karsavin's intentions, represent the result of the highest actualization of the Absolute and at the same time are the result of the activity of an empirical subject. Every culture has its own subjective origin. It is the personality that is the «bridge» that connects culture and history. A model of the relationship between culture and history, in the views of L.P. Karsavin, is revealed: thesis (cultural tradition) – antithesis (destruction of tradition) – removal of antithesis (something new, as a result of creative processing of tradition). It is concluded that the correlation between culture and history is irrational, since the sequence and strength of changes in cultural forms largely depend on the individual.

Keywords: *L.P. Karsavin, culture, history, dialogue of cultures, tradition, personality.*

Об авторе:

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, сотрудник Международного центра изучения русской философии, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

Mikhailova Elena Evgenyevna – PhD, Professor, Employee of the International Center of the Study of Russian Philosophy, St. Petersburg, Russia. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru